

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

УДК 316.33

**ТРАЕКТОРИИ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ
В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ: МЕЖДУ КОНФРОНТАЦИЕЙ
И КОНКУРЕНЦИЕЙ (РОССИЯ И КИТАЙ)****Д.А. Аникин***Аннотация**

В статье рассматривается проблема трансформации социальной памяти в глобальном мире. Автором концептуализируются и анализируются на примере исторического опыта России и Китая конфронтационная и конкурентностная стратегии использования образов прошлого в выстраивании межгосударственных отношений, в образовательных и мемориальных практиках. Конфронтационная стратегия заключается в восприятии внешнеполитического окружения как совокупности периодически активизирующихся врагов, что приводит к выявлению образов прошлого, подтверждающих такую интерпретацию. Конкурентностная стратегия сосредоточивается на более мягких формах взаимодействия, поиске компромиссов в описании исторических событий с целью использования достигнутого согласия в актуальных внешнеполитических контекстах.

Ключевые слова: социальная память, глобализация, конфронтация, конкуренция, конфликт, политические стратегии.

Становление глобального мира демонстрирует различные тенденции по отношению к сохранению, забыванию и конструированию исторического прошлого, но при более внимательном анализе противоречивость отмеченных тенденций становится кажущейся. Дело в том, что наряду с появлением проектов глобальной исторической памяти (по крайней мере, выходящей за пределы государств) сохраняется и даже усиливается стремление к фрагментаризации прошлого. Обе тенденции вполне вписываются в процесс деконструкции того политического порядка, который сложился в Европе в XVII в. и распространился в результате осуществления колониационной политики на остальные регионы земного шара. Таким образом, политические реалии XXI века делают актуальными две взаимосвязанные стратегии политики памяти: с одной стороны, это попытки государств сохранить свою монополию на формирование картины прошлого с помощью разнообразных средств (от принудительных до рыночно-потребительских), а с другой – активизация новых игроков социального пространства,

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 12-33-09003).

стремящихся выстроить собственную конфигурацию прошлого в соответствии с актуальными потребностями и намечаемыми перспективами.

Задача социально-философского анализа сложившейся ситуации заключается не только в выявлении всей совокупности факторов, определяющих изменение отношения к прошлому на разных уровнях социального пространства (от государства до отдельного человека), но и в прогнозировании результатов воздействия этих факторов. Можно лишь констатировать, что ценность прошлого в качестве фактора легитимации существующего порядка или готовящихся изменений не становится меньшей, в силу чего конфигурирование исторической памяти в целях налаживания межкультурного диалога или развития внутриполитических и внешнеполитических конфликтов приобретает характер универсального инструмента, требующего предельной осторожности в обращении.

Й. Рюзен, рассматривая механизмы конструирования прошлого, вводит понятие *кризиса исторической памяти* [1, с. 22].

Нормальный кризис является закономерным элементом постепенного накопления исторических знаний и трансформации сложившихся концепций прошлого. Он не влияет на изменение тех оценок, которые формируют целостное видение государственной истории. *Критический кризис* заставляет усомниться в возможности существующей объяснительной парадигмы адекватно отобразить картину исторического опыта в соответствии с теми задачами и целями, которые ставит перед собой современное общество. Следствием такого кризиса становится резкая трансформация сложившейся исторической идентичности. Примером критического кризиса может являться вынужденный отказ от советской концепции прошлого, осуществлённый государствами, возникшими на постсоветском пространстве. Самой сложной и резкой формой изменения социальной памяти является *катастрофический кризис*, который не просто сопровождается сомнением в устойчивой картине прошлого, а оказывается сопряжён с чувством моральной ответственности за ошибочность этой картины. Как правило, катастрофический кризис социальной памяти (примером которого Й. Рюзен считает движение «покаяния» в Германии 60-х годов XX в.) является следствием совершения масштабных политических преступлений и мировоззренческого краха, вызванного осознанием своей причастности к ним.

Если нормальный кризис является элементом повседневной человеческой жизни, поскольку сопровождает любое достаточно значимое изменение в рефлексии по поводу последовательности происходящих с человеком событий, а катастрофический кризис знаменует собой невозможность дальнейшего существования с грузом имеющейся социальной памяти, то критический кризис как раз обозначает необходимость смены господствующего типа социальной памяти, что становится возможным без катастрофических последствий для отдельного сообщества или общества в целом [2, с. 33].

Травма – это опыт, который разрушает возможности его интерпретации, используемой для ориентации человеческой деятельности. Историческая травма возникает в тот момент, когда актуальный опыт не может быть упорядочен в рамках имеющегося типа социальной памяти, что заставляет индивида либо искать себе новый тип памяти, который позволит избежать подобного несоответствия, либо искать стратегии преодоления психологического дискомфорта.

В первом случае человек стремится влиться в сообщество, не имеющее соответствующего травматического опыта, во втором – остаётся членом своего сообщества, но «неудобный» исторический опыт подвергается переосмыслению, становясь элементом социальной памяти, который и в дальнейшем будет передаваться от поколения к поколению.

Травматический опыт получает прежде всего общество, в котором происходит резкая смена всех политических структур, экономического уклада и социокультурных ориентиров. Ценностный вакуум, занявший место ранее господствовавшей идеологии, подводит людей к осознанию бессмысленности не только существующего в данный момент положения вещей, но и всей исторической конструкции, которая легитимировала приход общества именно в эту точку развития. Поэтому неудивительно, что о травматическом кризисе социальной памяти можно говорить применительно к России 90-х годов XX в., отвергнувшей коммунистическое «настоящее» и подвергшей ревизии исторические предпосылки возникновения Советского Союза.

Необходимо учитывать, что большая часть государств, образовавшихся на территории бывшего Советского Союза, пошли по пути наименьшего сопротивления, позиционируя себя как жертв имперского режима, в то время как для России такой путь исторической идентификации оказался закрыт. Официально признав себя правопреемницей Советского Союза, Российская Федерация не только навлекла на себя претензии со стороны бывших советских республик, но и оказалась вынуждена строить свою концепцию исторического развития на основании таких диаметрально противоположных с политической и экономической точки зрения режимов, как Российская империя, Советский Союз и новый российский строй. Поскольку подробно этот вопрос уже обсуждался нами [3, с. 34], стоит сосредоточиться на концептуализации той политики памяти, которая реализуется в последние годы в российском обществе.

Стратегию использования образов прошлого, применяемую в российской официальной риторике и коммеморативных практиках 2000-х годов, можно назвать *конфронтационной*. Под этим термином понимается восприятие истории страны в качестве продолжительного, периодически обостряющегося конфликта с другим государством или группой государств, реализующееся в виде использования соответствующих образов в мемориальном строительстве, образовании и публичных церемониях. Характерно, что образ страны-врага оказывается различным в зависимости от политической конъюнктуры и величины и значимости исторических претензий, выражаемых от имени одной из сторон. Так, наделение праздника 4 ноября (День народного единства), кроме отчётливого религиозного оттенка и противопоставления годовщине Октябрьской революции, ещё и конкретной исторической символикой (изгнание поляков из Кремля в 1612 г.) совпало по времени с охлаждением отношений между Россией и Польшей как восточным форпостом Евросоюза.

Говоря о тех стратегиях конструирования прошлого, которые оказываются задействованы в современном российском обществе, полезно провести сравнение России с другими сообществами, которые в результате складывания похожих политических и социокультурных условий были вынуждены реконструировать собственную историю, совмещая в одной плоскости различные исторические

тексты. В связи с этим стоит обратить внимание на Китай. С точки зрения общности политических перипетий Россия и Китай оказались сначала в ситуации краха имперских структур, затем – шагов коммунистического строительства, а после, в той или иной форме, в условиях отказа от коммунистической идеологии и постепенного выстраивания рыночной модели экономики.

В характеристиках политики памяти России и Китая можно обнаружить такие сходства, как:

1) кардинальная смена типов исторической памяти (с имперского на национально-государственный), сопровождающаяся разрывом с предшествующими формами осмысления прошлого;

2) постепенно формирующаяся потребность в выстраивании единого пространства памяти, преодолении разрывов в исторической идентификации, прежде всего коммунистического и докоммунистического периодов.

Разумеется, не стоит игнорировать и существенных отличий, ведь в КНР коммунизм остаётся единственно возможной государственной идеологией, что, впрочем, не исключает готовности к интеграции в глобальное сообщество. Существенно другое – за времена, прошедшие после «культурной революции», социокультурные ориентиры китайского развития сдвинулись в сторону совмещения опыта существования тысячелетней китайской цивилизации с идеями партийной монополии и политического вождизма, вплоть до своеобразного синтеза национальных и партийных предпочтений.

Следует остановиться подробнее на нескольких ключевых пунктах, позволяющих зафиксировать сходства и различия между стратегиями России и Китая в выстраивании политики памяти. Речь идёт о переходе имперской истории в историю национальную, об усвоении «перегибов» недавнего социалистического прошлого, а также о вписывании собственной исторической концепции в структуру внешнеполитических отношений.

Можно согласиться с исследователями, утверждающими, что «в наши дни в центре китайских дискуссий находятся события, которые разворачивались начиная с середины XIX в.: они связаны с вторжением в Китай иностранных держав, с поиском путей преодоления экономической бедности и военного бессилия, с революционным движением и переходом к социализму. Сохраняется официальный исторический дискурс, в котором переплетаются история государства и правящей партии» [4, с. 65]. Разумеется, в такой трактовке нетрудно заметить влияние сохраняющейся социалистической идеологии, но существенны и иные отличия от российских представлений об истории. Прежде всего, для Китая характерна память об угнетённом состоянии, в котором он находился по вине европейских держав. Следовательно, для выразителей китайской политики памяти современная структура внешнеполитических отношений рассматривается не как продолжение извечной конфронтации с Западом (что характерно для имперской части российского политического истеблишмента), а как освобождение и неуклонное преодоление прежней зависимости.

Что касается появления национальной составляющей в историческом дискурсе современного Китая, то можно отметить любопытный параллелизм с поворотом советской политики от идеологии «мировой революции» к идеологии «коммунизма в отдельно взятой стране». Совпав с приходом к власти И.В. Сталина

в начале 30-х годов, этот поворот оказал существенное влияние на формирование новой исторической парадигмы. Ф. Шенк вполне обоснованно утверждает, что переориентация политики вызвала к жизни потребность в объяснении того, почему коммунизм победил именно в бывшей Российской империи [5, с. 17–19]. По крайней мере именно в эти годы начинается реабилитация целого ряда исторических деятелей (Александра Невского, Ф.Ф. Ушакова, М.И. Кутузова), вписывающихся в реанимированную концепцию фронта, отделяющего Россию от изначально враждебной ей Европы [6, с. 19].

Для Китая подобный поворот наступает только в 70-е годы, когда после смерти Мао Цзедуня и начала проведения широкомасштабных реформ появляется потребность в обозначении роли социалистического строя в истории Китая. Именно тогда формируется структура базовых для истории Китая событий: «после опиумной войны 1840-го Китай превратился в полуколониальную, полуфеодальную страну, разразился национальный кризис; попыткой выйти из него стала демократическая революция Сунь Ятсена в 1911 году. Однако появившаяся на свет буржуазная республика не смогла защитить права народа и в итоге рухнула под ударами внешних сил» [4, с. 69]. Иначе говоря, такая логика выстраивания событий демонстрирует, почему западный путь развития является неприемлемым и даже губительным для Китая, в то время как социализм способен привести его к процветанию.

Другим крайне интересным аспектом китайской политики памяти является специфическое понимание «исторической справедливости», резко отличающееся от европейских аналогов. Как утверждается в подготовленном Агентством политических новостей в 2008 г. аналитическом отчете, «в современном международном праве используется принцип историзма при оценке юридических фактов, т. е. правомерность приобретения территорий оценивается с точки зрения права, действовавшего в соответствующую эпоху. В Китае же историческая аргументация абсолютизируется, при этом выдвигается тезис об “исторической несправедливости” современных границ Китая. В качестве территориальных приобретений Китая современные китайские историки представляют результаты завоеваний не только всех китайских династий, но и неханьских государств (например, монгольского и маньчжурского), выступавших в роли оккупантов по отношению к самому Китаю. Китайские историки тщательно фиксировали и включали в исторические хроники факты кратковременных завоеваний территорий в древности, что приобретало статус исторического документа, говорили о распространении китайской государственности на западе вплоть до Российского Причерноморья» [7].

Вместе с тем следует отметить, что подобная абсолютизация пространственного фактора (то есть автоматическое включение в историческое пространство Китая территорий, подвластных иным государственным образованиям, располагавшимся в том числе и на когда-либо принадлежавших Китаю землях) не является основанием для политических претензий. Речь идет в большей степени о мировоззренческих ориентирах, позволяющих облегчить для жителей Китая перемещение на территорию сопредельных государств, в том числе и российского Дальнего Востока.

Второй аспект политики памяти касается сложности отношения к отдельным «перегибам» социалистического прошлого. В 80-е годы XX в. для Китая

стала насущной проблема усвоения недавнего прошлого, выстраивания концепции развития страны по вектору «прошлое – будущее» с учётом вписывания в эту концепцию событий времён «культурной революции» Мао Цзедун. Эта ситуация по сути была аналогичной проблеме отношения к советскому наследию в постсоветских республиках, и прежде всего в России. Из потенциальных полюсов политического спектра (полный отказ от наследия «великого кормчего» либо умалчивание отдельных событий недавнего прошлого) была избрана примиренческая позиция – Мао Цзедун был на 70% прав и на 30% не прав. Интересно, что приблизительно так же идеолог реформизма Дэн Сяопин оценил и политическое наследие И.В. Сталина, выступив с критикой по поводу обвинения Сталина во всех возможных преступлениях [4, с. 80]. Написанный в 2006 г. учебник по китайской истории, в котором роль Мао Цзедун подавалась как исключительно негативная, после непродолжительного обсуждения был запрещён к использованию.

Историческое позиционирование Китая как участника глобального политического сообщества также обладает рядом интересных характеристик. Показательной в плане отражения сути политики памяти в современном Китае является ситуация с художественным фильмом «Нанкин», повествующим о событиях 1937 г., когда 300 тысяч жителей китайского города Нанкин были безжалостно вырезаны японскими солдатами. Фильм был запрещён к показу в китайских кинотеатрах, причём основанием для такого решения стало не смягчение роли японцев в этой трагедии, как можно было бы подумать, а представление китайцев в этом фильме в качестве жертв. По мнению руководства Китая, подобная репрезентация исторических событий не соответствует той роли, на которую претендует Китайская Народная Республика в современном мире [8].

Таким образом, в китайской политике памяти отчётливо прослеживается тесная взаимосвязь между любыми образами прошлого (даже художественными) и тем имиджем, который поддерживается этой страной на внешнеполитической арене. Речь идёт не просто о затушёвывании событий, которые могут дискредитировать образ Китая в мировом сообществе (например, расстрел студентов на площади Тяньаньмэнь в июне 1989 г.), но о расстановке правильных акцентов в подаче тех событий, которые на первый взгляд никак не ущемляют интересы китайского народа и представляющего его правительства.

Можно констатировать, что, несмотря на значительное сходство в определённых социально-политических реалиях, стратегии обращения с прошлым в России и Китае существенно разнятся, что связано с общим контекстом их внешнеполитической и внутривнутриполитической деятельности.

Россия, принявшая на себя тяжёлое бремя советского наследия, находится в позиции «обороняющегося» по отношению к тем игрокам постсоветского пространства, которые выстраивают свою идентичность за счёт негативизации советского прошлого. Немалые трудности для проведения определённой политики памяти кроются и на внутривнутриполитическом уровне, который характеризуется поляризацией и фрагментаризацией отдельных стратегий обращения к прошлому, стремлением к замалчиванию «неудобных» фактов, а не вписыванию их в общую концепцию прошлого.

Для Китая, ведущего активную внешнюю политику, более существенным является продвижение определённого исторического имиджа на международной арене, причём сама стратегия формирования этого имиджа может определяться как конкурентностная, а не конфронтационная. Под *конкурентностной стратегией* конструирования социальной памяти понимается использование образов прошлого для подчёркивания преимущества данной страны по сравнению с другим государством или группой государств, реализующееся в отказе от образа жертвы, готовности к компромиссу в интерпретации исторических событий и т. д. Впрочем, это не избавляет Китая от целого ряда «скелетов в шкафу», к которым можно отнести периодически актуализирующуюся проблему Тибета, сугубо исторические основания включения которого в структуру китайского государства являются крайне сомнительными.

Можно подвести итоги рассмотрению на примере России и Китая существующих стратегий политики памяти в глобальном мире. Разумеется, выявленные стратегии представляют собой лишь идеальные типы (в терминологии М. Вебера), в реальности снабжаемые множеством модификаций, затрудняющих выведение дефиниции. Выстраивание собственной траектории социальной памяти Россией далеко не всегда сводится к конфронтации с другими государствами (можно вспомнить хотя бы парад 2010 г., когда на Красной площади впервые прошли войска практически всех стран, победивших во Второй мировой войне). С другой стороны, нацеленность Китая на конкурирование с ведущими мировыми державами нередко проявляется в достаточно жёсткой форме (вспомним исторические претензии на острова в Японском море, вновь актуализировавшиеся в 2012 г.).

Сложность анализа социальной памяти в глобальном мире заключается в разноуровневости отмечаемых тенденций. Наряду с разногласиями по поводу интерпретации прошлого, существующими между представителями различных политических образований, отмечается кризис исторической памяти, вызванный столкновением различных пространственных структур. Политическая структура Нового времени, узловыми элементами которой являлись национальные государства, испытывает давление со стороны новых экономических и культурных сообществ, трансформируясь под этим воздействием и порождая конфликтогенные ситуации. В либеральном дискурсе отчётливо проявлено стремление придать исторической памяти характер «разменной монеты», благодаря которой могут быть найдены контуры соприкосновения между различными обществами, общие точки прошлого, включение которых в коммеморативные практики сделает возможным налаживание межкультурного диалога.

Реальность оказывается более суровой, поскольку рост межнациональных конфликтов, вызванный постепенной деконструкцией остатков колониационной системы и легитимирующей данную систему европоцентристской модели исторической памяти, сводит на нет зачатки «консенсусной демократии». В изучении социальной памяти всё больший упор делается на конфликтогенный характер этого явления, способность истории выступать в качестве ресурса для конкуренции или прецедента для конфликта. Прошлое начинает играть роль «ящика Пандоры», из которого с утомительным постоянством извлекаются поводы для всё новых и новых конфликтов на национальной, культурной или религиозной

почве. Таким образом, поиск новых методологических оснований изучения памяти, свободных от либеральных презумпций и утилитарного прагматизма, является доминантой современных гуманитарных и социальных наук.

Summary

D.A. Anikin. Trajectories of Social Memory in the Global World: Between Confrontation and Competition (Russia and China).

In this article, we consider the problem of transformation of social memory in the global world. Based on the historical experiences of Russia and China, we conceptualize and analyze the confrontational and competitive strategies of using images of the past in the process of building international relations as well as in educational and memorial practices. The confrontational strategy consists in the perception of the foreign policy environment as a number of enemies periodically becoming more active, which allows for the identification of the images of the past that confirm such interpretation. The competitive strategy concentrates on milder forms of interaction, and the search for compromises in describing historical events aimed at using the reached consensus in actual foreign-policy contexts.

Keywords: social memory, globalization, confrontation, competition, conflict, political strategies.

Литература

1. *Рюзен Й.* Утрачивая последовательность истории (некоторые аспекты исторической науки на перекрёстке модернизма, постмодернизма и дискуссии о памяти) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – М.: Изд-во РГГУ, 2001. – Вып. 7. – С. 8–26.
2. *Файхтингер Й.* По ту сторону методичного национализма. Перспективы культуры, исторической памяти и идентичности в Европе // Вопр. философии. – 2007. – № 9. – С. 32–38.
3. *Аникин Д.А.* Стратегии политики памяти на постимперском пространстве // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер.: Философия. Психология. Педагогика. – 2012. – Т. 12, Вып. 2. – С. 34–38.
4. *Борох О., Ломанов А.* Китай: возвращение Небесного повеления // Pro et Contra. – 2009. – Т. 13, № 3–4. – С. 65–88.
5. *Шенк Ф.Б.* Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263–2000). – М.: Нов. лит. обозр., 2007. – 589 с.
6. *Аникин Д.А.* Россия как постимперское пространство: стратегии политики памяти и проблемы модернизации // Бренное – вечное: власть и общество в мифологиях модернизации: Материалы Всерос. науч. конф., 16–17 нояб. 2010 г. – Вел. Новгород: НовГУ, 2010. – С. 19–22.
7. Итоги с Владимиром Путиным: внешняя политика. Часть 4. Россия и Китай. – URL: <http://www.apn.ru/publications/article19835.htm>, свободный.
8. История в фокусах политики. – URL: <http://overwork.ru/istoriya-v-fokusah-politiki.html>, свободный.

Поступила в редакцию
06.09.12

Аникин Даниил Александрович – кандидат философских наук, доцент кафедры теоретической и социальной философии, Саратовский государственный университет, г. Саратов, Россия.

E-mail: dandee@list.ru